

ОДИН

Мириады Средиземий

Я чую запах человека средиземья!..
Уильям Шекспир. Виндзорские насмешницы
(1597)

Итак, приступим.

HWÆT!
WĒ GĀR-DEna in geārdagum
þēodcyninga þrym gefrūnon,
hū ðā æþelingas ellen fremedon.

Истинно!
Истари слово мы слышим
о доблести данов, о конунгах датских,
чья слава в битвах была добыта!⁷

⁷ Беовульф. Пер. В. Тихомирова. *Прим. ред.*

Это первые строки «Беовульфа» — англосаксонской поэмы, созданной в 650–800 годах н. э. Ими Толкин обычно начинал лекции. Когда он, входя в аудиторию, произносил эту фразу, ей было уже многим более тысячи лет. Сегодня, однако, она может показаться странно знакомой. Слова приобрели толкиновские интонации: таинственные буквы *þ* и *ð*, все эти *þeodcyninga* и *æþelingas* выглядят современно, даже если смысл их от нас ускользает⁸.

Дословно эти строки можно перевести так: «Внемлите! [или «Смотрите!», или «Слушайте!», или «Вот!», или даже «Эй!】 Мы о славе копыеносцев-датчан в минувшие дни услышали, как князья эти совершали доблестные подвиги...»

Слушайте же...

Сколько Толкинов?

Джон Рональд Руэл Толкин, Джон Рональд, Рональд, Филип, J. R. R. T. (а иногда и JRquared — «JR в квадрате»), Габриэль, Home Secretary — «Министр внутренних дел», лейтенант Толкин, профессор Толкин, Толлерс, Fisiologus, N. N., Kingston Bagpuize, Охуморе, Джон Джетро Рэшболд (J. J. R.), Спириус Вектигалиус Ацер (или Ти Порториус Ацер Германикус), Эйсфорид Акрибус Полиглоттеус, Рюгинвальд Двалаконис, Разгнольд Граэдмодинг, Аркастар Мондосаресс...

Этот человек был крещен в англиканской церкви и известен родным как Рональд — о скандинавском происхождении имени он с удовольствием упоминал, — после чего стал римским католиком, приняв при конфирмации имя Филип. Габриэлем и «Министром внутренних дел» он был для близких школьных друзей из круга T.C.V.S.⁹, о котором ниже; Толлерсом — для близких

⁸ Буква *þ* называется thorn и произносится как th в современном английском. Буква *ð* называется eth или edh, ее тоже произносили как th.

⁹ «Чайный клуб и Барровианское общество», ЧКБО.

коллег («Инклингов»); Рэшболдом — в полувывымышленной автобиографии. Он придумал себе имя Вектигалиус Ацер на латинском языке и Эйсфорид Акрибус на древнегреческом (это игра слов — перевод фамилии Tolkien, прочтенной как toll — «налог» и keen — «острый»); псевдонимы — готский Dwalakōnis и древнеанглийский Hraedmoding, последним он подписал англосаксонское стихотворение в честь шестидесятилетия поэта Уистена Хью Одена в 1967 году (тот к тому времени вступил в Американское толкиновское общество и называл себя «Гимли»). До этого, с 1910 по 1937 год, Толкин публиковал стихи под псевдонимами Physiologus, N. N., Kingston Bagruize и Oхumore.

По мнению Толкина, его фамилия изначально немецкая, из Саксонии: Tollkühn означало «безрассудно храбрый», отсюда английский псевдоним-перевод Rashbold. При этом он делал оговорку, что в нем больше от Саффилдов — такова девичья фамилия матери — и именно этой линии он обязан любовью к филологии и средневековым романам. В целом же он определял себя как жителя Западного Мидленда англосаксонского происхождения с тягой к Валлийской марке и Уэльсу¹⁰. Таким образом, существует множество Толкинов (или Саффилдов), не говоря уже о его самопровозглашенных художественных наследниках. Все эти Толкины, толкиноведы и толкинисты, наверное, заслуживают собирательного названия *gramarye*¹¹.

Интересно здесь само изобилие имен. Всех нас называют по-разному, но такое количество имен Толкина кажется чрезмерным. Это верно и для его произведений. Арагорн, например, это еще и Эстель, Торонгиль, Странник, Наследник Исильдура, Обновитель, Долговязый, Эльфийский Камень, Крылоногий и Элессар Тельконтар — эти имена как минимум поначалу мало чего значат и для других героев, и для читателей, за исключением создания

¹⁰ См., например, изданные на русском языке «Письма» Толкина: Толкин Дж. Р. Р. Письма / пер. С. Лихачевой. — М. : Эксмо, 2004. *Прим. ред.*

¹¹ Среднеанглийское слово, обозначающее одновременно ученость и магию.

атмосферы присутствия и глубокой таинственности. У Гэндальфа столько прозвищ, что он сам в какой-то момент забывает свое настоящее имя. Он и Олорин, и Митрандир, и Серый Странник, и Серый Пилигрим (а еще Серый Глупец в сардонической реплике Денетора), и Таркун, и Инканус, и Серая Хламида, и Ворон Бури, и Латспелл, и, наконец, Белый Всадник.

Отчасти это явление связано с тем, что в Средиземье говорят на многих языках, но дело еще и в том, что непостоянны самовосприятие и статус героев — их определяют другие действующие лица, обстоятельства, контекст. Они не утверждают свою индивидуальную идентичность, а неустанно творят свой образ и меняют его или меняются под действием внешних сил.

Наиболее примечательный случай — превращение Гэндальфа Серого в Гэндальфа Белого, но им явление не ограничивается. Фродо, например, еще и мистер Подхолмс, Друг Эльфов и Кольценосец. Как это знакомо в век аватаров и соцсетей! Наше «я» тоже перестало быть твердым, ему стала присуща текучесть.

Многоликость Толкина проявляется и в спектре его творческой деятельности: он лектор и репетитор, ученый и литературный критик, а также филолог, редактор, переводчик, поэт, художник, сочинитель детских сказок и романов, драматург, картограф, периодически (но не забываяемо) — актер, лингвист-теоретик и — это следует подчеркнуть — писатель-экспериментатор. Даже его научная деятельность звучит разноголосицей: его знаменитая лекция «„Беовульф“. Чудовища и критики»¹² включает фразы на англосаксонском, исландском и среднеанглийском языках и одновременно неологизмы из «Бармаглота» Льюиса Кэрролла. А еще эта работа содержит не одну, а целых две аллегории — несмотря на декларируемую нелюбовь к этому литературному приему — про то, как обращались с поэмой критики и комментаторы.

¹² Переведено и издано на русском языке. См.: Толкин Дж. Р. Р. «Чудовища и критики» и другие статьи / пер. М. Артамоновой [и др]. — М. : Elsewhere, 2006. *Прим. ред.*

Созвездие переменчивых Толкинов рождено биографией писателя, поэтому стоит вкратце пройти по важнейшим событиям его жизни¹³ и посмотреть, каким образом новые имена и восприятие самоидентичности связаны с его ролями и переживаниями.

Родился Толкин 3 января 1892 года в городе Блумфонтейне в Оранжевом Свободном Государстве в Южной Африке, где его отец работал представителем Банка Африки. Семейство прибыло из Бирмингема, поэтому маленький Рональд сразу оказался «перемещенным лицом». В Блумфонтейне Рональда укусила сольпуга — верблюжий паук¹⁴. Позже писатель будет рассказывать, как бежал от этого существа по траве, а потом плескался в Индийском океане. Впрочем, вряд ли он это помнил — на тот момент ему не исполнилось и трех лет, поэтому воспоминания можно считать примером позднейшего переосмысления самого себя: невинное дитя бежит по райскому саду и купается в океане под солнечными лучами. В Африке маленький Рональд, его мама и младший брат Хилари страдали от жары до такой степени, что в 1895 году все трое вернулись в Бирмингем. Толкин утверждал, что помнит некоторые эпизоды трехнедельного плавания в Англию: он смотрел на море вниз, потом была гавань, а за ней — большой город (Лиссабон). Похожими образами он впоследствии описывал Страну эльфов, или Фейри, — волшебный остров, до которого можно добраться лишь на заколдованном корабле.

В Бирмингеме Толкина воспитывали Саффилды: мама и ее родители. Отец собирался при первой возможности уволиться из банка и присоединиться к ним. В феврале 1896 года Рональд продиктовал ему письмо: он называл себя «уже большим», потому что

¹³ Эти подробности биографии Толкина известны благодаря Хамфри Карпентеру. «Биография» издана на русском языке. См., например: Карпентер Х. Дж. Р. Р. Толкин. Биография / пер. К. Королева, С. Лихачевой, А. Хромовой. — М. : АСТ, 2020. *Прим. ред.* Характерно, что Толкин пренебрегал биографической критикой, считая ее «совершенно пустым и ложным подходом к произведениям автора».

¹⁴ Позднее Толкин утверждал, что это был тарантул.

у него появилось мужское пальто. Письмо так и не было отправлено: на следующий день после того, как Рональд продиктовал письмо, его отец умер от кровоизлияния, связанного с ревматической лихорадкой или брюшным тифом.

В том же году осиротевшее семейство переехало в деревушку Сэрхол на окраинах Бирмингема. Для Рональда эта сельская английская идиллия стала определяющей. Там, на коленях матери, он учил латынь и немецкий и восхищался ее каллиграфическим почерком. Мать читала ему книги Льюиса Кэррола про Алису и сборники детских сказок Эндрю Лэнга — в них были предания о героическом викинге Сигурде и драконе Фафнире¹⁵. А еще она неожиданно перешла в римский католицизм, вызвав раскол в семье.

На Сигурде и Фафнире, предание о которых входило в «Красную книгу сказок» как «История Сигурда», стоит остановиться подробнее. Это ключевой эпизод древнескандинавской «Саги о Вэльсунгах» XIII века, которую Толкин впоследствии переведет упругим, сжатым стихом. Он вспоминал, как мама читала ее вслух, и считал это своей первой, важнейшей встречей с драконами.

В изложении Лэнга все начинается с гибели короля — в бою у него ломается меч. Беременная королева сохраняет осколки, чтобы выковать меч заново для их маленького сына. Она переодевается в служанку, чтобы бежать от врагов мужа, но выглядит слишком царственно. Ее хватают и допрашивают, но обращаются хорошо. Она остается при дворе и рождает Сигурда. Тот растет во дворце и слышит от наставника, Регина, о драконе Фафнире. Фафнир — брат Регина. Он убил отца и завладел проклятым золотом (по другим версиям, Фафнир превратился в дракона из-за «драконьей болезни» — алчности). Регин ищет мести и убеждает Сигурда одолеть Фафнира, выковав из осколков сломанного отцовского меча новый, острый как

¹⁵ Согласно Карпентеру, «лучшая история, которую [Толкин] читал в своей жизни».

бритва. Сигурд прячется в яме и разит проходящего над ним дракона. Фафнир, умирая, вновь проклинает золото. Регин просит Сигурда вырезать сердце Фафнира и зажарить для него. Сигурд слушается, но во время приготовления облизывает пальцы и, попробовав таким образом сердце, обретает дар понимать птичьи голоса. Птицы щебечут о золоте Фафнира и о том, что Регин собирается предать Сигурда. Он отрубает Регину голову, после чего птицы хором поют о деве-воительнице Брюнхильде, погруженной в волшебный сон. Сигурд надевает «шлем ужаса» из сокровищ Фафнира, чтобы стать невидимым, и скачет к Брюнхильде, намереваясь освободить ее из окруженного огнем замка. Они влюбляются друг в друга, и Сигурд дарит ей кольцо — тоже из проклятых сокровищ. Потом он уезжает в другое королевство, где знакомится с принцессой Гудрун. Ее мать дает Сигурду снадобье — он забывает о Брюнхильде и собирается жениться на Гудрун. Гуннар, брат Гудрун, тем временем решает жениться на Брюнхильде, но не может пробиться сквозь огненное кольцо. С помощью магии он придает Сигурду свой облик, и тот спасает Брюнхильду во второй раз. Они обмениваются кольцами, и Сигурд дает Гудрун проклятое кольцо. На свадебном пиру Сигурд приходит в себя, все вспоминает, но не подает виду. Брюнхильда ссорится с Гудрун и узнаёт у нее на пальце кольцо, которое получила от Сигурда и, как ей казалось, дала потом Гуннару. «И она узнала это, и узнала все, и побледнела как мертвая». Затем Брюнхильда обвиняет Гуннара в обмане, отравляет его младшего брата змеиным ядом и плотью волка, теряет рассудок и убивает спящего Сигурда, после чего сердце ее разрывается. Брюнхильду и Сигурда (а также его могучего коня) кладут в ладью. Горящий корабль уносят волны. Проклятие золота сбылось.

Я подробно привожу здесь эту историю в версии Лэнга, так как полагаю, что она не могла не захватить воображение маленького Толкина, а еще чтобы провести параллель с его собственными трудами и с произведениями его последователей. Поклонник сразу узнает в ней контуры трагической истории Турина Турамбара, который атаковал проходящего сверху страшного дракона Глаурунга. Намек на этот эпизод есть и во «Властелине колец»: Сэм держит над

головой меч Жало, а Шелоб с разбегу нанизывает себя на клинок. Сложная любовная интрига тоже нашла отражение в судьбе Турина, хотя в данном случае история катастрофически связана с инцестом и испытала влияние Куллерво из «Калевалы», карело-финского национального эпоса.

Зажаренное сердце, убийство Регина, треугольник «Сигурд — Брюнхильда — Гудрун» и превращение Сигурда в Гуннара — чересчур мрачные сюжеты для детской сказки, но они вписываются в тему маскировки, изменения внешности, множественной идентичности, сокрытия, обмана. Вся легенда вращается вокруг узнавания и разгадывания тайн — в том числе благодаря странному птичьему языку — и вокруг последствий убийства дракона. Ключевой элемент — проклятое кольцо из драконьего клада — является и желанной реликвией, и знаком свадебного союза, приносящим несчастье своему обладателю. Оно будто обладает враждебной чувствительностью. «Легенда о Сигурде» тем самым не только ложится долгой тенью на уютный Бэг Энд, но и порождает разрушительную драконью болезнь Торина Дубощита из фильма «Хоббит: Битва пяти воинств» (2014).

Толкин просеивал и возвращал воспоминания о прочитанном. Они становились элементом сознательно, намеренно выстраиваемой личной истории из языка, ландшафта, писем и легенд, стенографического изложения формирования его характера. Речь не о ложных воспоминаниях. Скорее, это избирательная и, наверное, простительная самомифологизация.

В 1900 году Рональд сдал вступительные экзамены в школу короля Эдварда, занимавшую в то время внушительное здание, спроектированное «под Средневековье» в стиле готического возрождения Чарльзом Бэрри — тот же архитектор занимался Вестминстерским дворцом, который перестраивали три десятилетия начиная с 1840 года. До школы было шесть с половиной километров, поэтому Толкины с сожалением покинули Сэрхоул и переехали в Мосли,

район Бирмингема у железной дороги. После четырех лет за городом это была удручающая перемена. За ней последовал период неустроенности: еще один переезд в другой дом, смена школы, домашнее обучение у матери и, наконец, возвращение в школу короля Эдварда с предоставлением стипендии.

Толкин вспоминал, что его с раннего детства интересовали незнакомые языки. Теперь они вошли в его жизнь: он принимал первое причастие в церкви, где говорили на латыни, ломал голову над валлийскими названиями на железнодорожных вагонах для угля, а в школе короля Эдварда познакомился с греческим. «Меня покорила в греческом языке текучесть, перемежаемая твердостью, его блеск. Но отчасти привлекательность была связана с древностью и чужеродностью (по отношению ко мне): он не касался дома». Опять чувствуется переезд, перемещение, заманчивость таинственного смысла.

В 1904 году Рональда, которому было всего двенадцать, ждал сильнейший удар: мама заболела диабетом и в ноябре скончалась. Его вместе с братом Хилари взял под опеку деятельный пастор Бирмингемской орактории отец Фрэнсис Хавьер Морган, человек наполовину валлийского, а наполовину англо-испанского происхождения. Он поселил их у тети из семьи Саффилдов, но большую часть внешкольного времени дети проводили с ним. Почти каждое утро после мессы отец Фрэнсис угощал их завтраком, а потом они играли с котом, жившим при церкви.

В школе Толкин погрузился в мир языков и литературы. Он читал «Кентерберийские рассказы» Чосера и написанную неизвестным автором XIV века поэму «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь» из цикла о короле Артуре. Учитель английского познакомил его с англосаксонским языком и эпической поэмой «Беовульф». Еще он начал учить древнескандинавский, чтобы прочесть в оригинале о Сигурде и Фафнире, Брюнхильде и Гудрун. Это довольно странно, но Толкин воспринимал англосаксонский язык (и написанные на нем позднейшие поэмы, в частности «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь» и «Жемчужина») как элемент собственного — Саффилда из Западного Мидленда — литературного наследия... Осиротевший

мальчик, ищущий свою идентичность (или идентичности), — наверное, слова и язык его очень утешали. Слова вообще имели для него волшебную силу: вобрав в себя богатое наследие давних эпох, историю региона, пропитанную культурами и ценностями прошлого, они представляют собой очень сложное и современное средство общения и выражения мыслей. Кроме того, изучение языков было неразрывно связано с воспоминаниями о матери.

Пока лучший друг Кристофер Уайзмен самостоятельно осваивал египетскую иероглифику, Толкин в 1908 или 1909 году благодаря учебнику для начинающих под авторством Джозефа Райта открыл для себя готский язык. От этого языка мало что дошло до наших дней — например, на нем нет стихов, — но книга принесла не меньше приятных ощущений, чем знакомство с Гомером в классическом переводе Джорджа Чапмена¹⁶. Толкину нравилось и готское письмо. Он с удовольствием выводил стилизованные надписи, а еще, ничуть не переживая по поводу утраченных слов, просто выдумывал недостающие и в конечном счете сочинил собственную поэзию.

В школе короля Эдварда ежегодно устраивали дебаты на латинском языке. Толкин же обратился к собравшимся на греческом, англосаксонском и готском, проявив тем самым недюжинные лингвистические способности. Древних и современных языков ему было мало, и он стал изобретать свои, первым образцом которых было, видимо, трехстраничное послание пиктограммами отцу Фрэнсису. С двоюродной сестрой Мэри он начал работать над «новым бессмысленным» языком невбошем, а потом над языком на основе латыни и испанского, получившим название «наффарин». В последние месяцы учебы в школе короля Эдварда он увлекся финским языком и карело-финским национальным эпосом «Калевала». Они станут фундаментом для очередного искусственного языка: Толкин назовет его «квенья» и будет доводить до совершенства всю жизнь.

¹⁶ В сонете Джона Китса говорится о знакомстве с «Одиссеей» и «Илиадой» в переводе Джорджа Чапмена.

В школе Толкин наслаждался тесным кругом мужского товарищества, образовав «Чайный клуб и Барровианское общество». Организацию назвали в честь любимой чайной комнаты в универмаге Бэрроу, где он с тремя ближайшими друзьями встречался, дебатировал и устраивал чтения. Толкин, как правило, знакомил соратников с «Беовульфом», «Сэром Гавейном и Зеленым рыцарем» и «Сагой о Вёльсунгах».

В школьном «кадетском» корпусе подготовки офицеров он имел звание капрала и благодаря высокой репутации удостоился чести в числе восьми кадетов короля Эдварда посетить коронацию Георга V. К последнему классу Толкин невероятно активно участвовал в жизни учебного заведения: был префектом, библиотекарем, капитаном команды регби, секретарем дискуссионного общества, редактором «Хроники школы короля Эдварда», играл в различных школьных спектаклях. К слову, уже после поступления в университет он исполнил роль миссис Малапроп в «Соперниках» Шеридана. Благодаря разносторонним талантам и исключительному трудолюбию получил несколько школьных премий.

Все свободное от школы и разработки языков время Толкин посвящал рисованию и поэзии. Самое раннее датированное стихотворение было написано в марте 1910 года: его тогда страстно увлекал Фрэнсис Томпсон — католик, курильщик опиума и изгой. Другим источником вдохновения стала увиденная в апреле 1910 года театральная постановка «Питера Пэна». «Сколько ни проживу, никогда ее не забуду», — писал Рональд. Некоторые стихи выходили в школьном журнале вместе с репортажами о спортивных мероприятиях и других событиях.

Еще одну форму утешения Толкин обрел благодаря знакомству с Эдит Брэтт. Она тоже была сиротой и некоторое время снимала комнату в доме, где жили Толкин с братом. Дружба стремительно переросла в роман. Отношения приходилось держать в тайне, но слухи о них вскоре достигли ушей отца Фрэнсиса. Священник был

глубоко разочарован таким поведением своего подопечного. Толкин в то время готовился получить оксфордскую стипендию для студентов, изучающих древнегреческий и латынь. Финансовая поддержка была необходима для оплаты обучения и покрытия насущных расходов, и любовная история могла отвлечь его от научных изысканий. Отец Фрэнсис переселил братьев в новое жилье, а поскольку пара продолжила встречаться, в конце концов запретил Рональду любые контакты с Эдит вплоть до двадцать первого дня рождения. Тем не менее молодым все же удавалось иногда «случайно» увидеться друг с другом.

В 1910 году Толкин со второй попытки получил открытую классическую стипендию в оксфордском Эксетер-колледже. Она была не слишком щедрой, но с учетом гранта от школы и поддержки со стороны отца Фрэнсиса денег для учебы оказалось достаточно, поэтому в 1911 году он прилежно приступил к изучению «великих», или *Literae Humaniores*, — так в Оксфордском университете называют науки об Античности. Вдобавок к лекциям по древнегреческому, латыни, литературе, истории и философии Толкин взял курс сравнительной филологии у Джозефа Райта — автора того самого учебника готского, который так заворожил его в детстве. Он регулярно посещал мессы и продолжал заниматься поэзией, иногда публиковался в журналах, учился конной езде в местном кавалерийском полку и начал самостоятельно осваивать финский и валлийский.

Не отказался Толкин и от любви к клубам. Он создал литературный кружок «Аполаустики»¹⁷ и стал его бессменным председателем вплоть до преобразования группы в «Шахматную доску». Попутно его приняли в Эссеистский клуб своего колледжа (председателем он стал на третьем курсе) и в «Стэплдон» (на втором курсе он стал председателем этой студенческой организации, а на третьем — секретарем).

¹⁷ «Оксфордский словарь английского языка» определяет редкое слово *apolaustic* как «всецело занятый поиском наслаждений, потакающий себе» и отмечает, что его употребляли в качестве синонима слова *aesthetic*. Видимо, Толкин почерпнул это слово из вводной части «Никомаховой этики» Аристотеля.

Иногда Толкин участвовал в студенческих эскападах. Однажды он взял напрокат автобус и катал взбудораженных студентов по центру Оксфорда. В другой раз члены «Стэплдона» собрались вечером и «с интересом, затаив дыхание, слушали веселые, легкомысленные и ужасающие приключения, пережитые господами Толкином, Робинсоном и Уэвеем». При этом в 1914 году Рональд за успехи в английском удостоился премии Скита — на полученные деньги он приобрел роман Уильяма Морриса «Сказание о доме Вольфингов» (по совпадению, Моррис учился в Эксетер-колледже шестьюдесятью годами ранее).

Во время каникул он рисовал, а на Рождество писал небольшие сезонные спектакли и сам в них играл. Еще он путешествовал. Летом 1913 года Рональда наняли в качестве наставника, чтобы сопровождать в Париж к родным двух мальчиков-мексиканцев, учившихся в английской школе. К сожалению, поездка выдалась тяжелая: в аварии погибла тетя ребят, а Толкину пришлось организовывать отправку тела в Мексику. Он не слишком бегло владел французским и испанским, и это происшествие не привило ему любви к французской бюрократии и французам в целом.

В середине второго года четырехлетнего курса Толкина ждали «онор модерейшнз» (или Honour Moderations) — университетские экзамены, от результата которых зависело не только продолжение обучения, но и сохранение стипендии. Сдал он их откровенно слабо, по второму разряду получив лишь вторую степень отличия, но его спас высший балл по сравнительному языкознанию: колледж порекомендовал Толкину переключиться с классических предметов на английский и литературу и сосредоточиться на филологии, древне- и среднеанглийском и современном языках. Стипендию ему сохранили.

Теперь Рональду предстояло изучать англосаксонскую и среднеанглийскую литературу, Чосера, Шекспира, историю английского языка и литературы, готскую и германскую филологию. В качестве дополнительного предмета он выбрал скандинавскую филологию — там проходили его любимую «Сагу о Вэльсунгах».

В 1913 году Толкину исполнился двадцать один год и, освободившись от опеки отца Фрэнсиса, он сделал Эдит предложение. Та была убежденной англиканкой, но ради вступления в брак решила перейти в католицизм. Пока она готовилась к смене веры, Толкин продолжал учиться и весь год при любой возможности навещал ее.

А потом, 28 июня 1914 года, произошло событие, изменившее судьбу целого поколения. На эрцгерцога Австрии Франца Фердинанда было совершено покушение, и вечером 4 августа Британия вступила в войну.

Толкину разрешили перед уходом в армию окончить университетский курс, хотя задерживаться в тылу было крайне неловко и предосудительно в глазах семьи и общества: господствовало мнение, что все пригодные к службе мужчины должны идти на фронт. Брат Толкина Хилари, а также многие сокурсники записались добровольцами уже в первые недели после объявления войны — вероятно, не последнюю роль в этом сыграла напористая государственная пропаганда. Сам Толкин занимался в Корпусе подготовки офицеров, осваивал сигнальное дело и ждал своего часа после завершения учебы.

Университетская жизнь — особенно деятельность клубов и обществ, которые помогали ему раскрыть многогранные способности, — обеднела, но он не потерял присутствия духа и к октябрю 1914 года начал переводить отрывок «Калевалы» о Куллерво. По приглашению товарища по ЧКБО Джеффри Бейча Смита он прочел страницу эпоса в Обществе солнечных часов в Колледже Корпус-Кристи и, в том же 1914 году, в Эссеистском клубе Эксетер-колледжа. Перевод так и остался незавершенным, но вместе с историей Сигурда вошел в ядро «великого предания» Средиземья о Турине Турамбаре¹⁸.

¹⁸ Толкиновский перевод о Куллерво был опубликован в 2010 году. Сказание о Турине Турамбаре вышло в «Детях Хурина», а затем выдержало несколько изданий, включая отдельный том в 2007 году.

Четверо членов «Чайного клуба и Барровианского общества» старались поддерживать деятельность все университетские годы, и Толкин провел выходные перед Рождеством в их кругу. Они говорили о надеждах, о писательских и художественных амбициях. Учтывая, что кто-то из них — даже все они — мог погибнуть, сохранение этого кружка, катализатора творческого воображения, в военное время стало казаться им, особенно Джеффри Смиту, чем-то священным. Для самого Толкина эта предпоследняя встреча, кажется, тоже очень рельефно высветила его зарождающийся литературный мир.

Ко второй половине 1914 года Толкин уже писал узнаваемые «средиземские» стихи, например «Морскую песнь давних дней» (*Sea Chant of an Elder Day*), а 27 ноября 1914 года прочел «Плавание Эаренделя, Вечерней Звезды» перед Эссеистским клубом Экстер-колледжа (см. ниже). В 1915 году он вообще регулярно — иногда каждый день — сочиняет поэтические произведения, редактирует и рисует, и это вдобавок к студенческим эссе. Не стоит забывать, что Оксфорд в начале Первой мировой войны был одним из очагов раннего модернизма и художественного новаторства.

Среди студентов — современников Толкина был невероятно высокий, почти слепой Олдос Хаксли, в 1916 году выпустивший первый стихотворный сборник. Толкин познакомился и с Томасом Уэйдом Эрпом — обаятельным, склонным к фатовству эстетом, светским геем с обширными связями, который был вхож в высшие сферы и шел к карьере видного художественного критика. Эрп в то время считался своего рода силой природы в области культуры, и Толкин закономерно попал в орбиту его влияния.

Именно Эрп председательствовал в Эссеистском клубе Экстер-колледжа, когда в ноябре 1914 года Толкин читал там «Плавание Эаренделя». В тот вечер они ужинали и спорили. Эрп также возглавлял общество «Пситтакои» («попугаи» по-древнегречески), основанное в 1912 году радикально настроенным филологом-классиком

Эриком Робертсоном Доддсом. Толкин читал там литературную критику в мае 1915 года. В 1914–1915 годах в Оксфорде был Томас Стернз Элиот: декламировал на заседании «Пситтакои» свою «Любовную песнь Дж. Альфреда Пруфрока». Правда, неясно, присутствовал ли там Толкин, но он явно увлекался ранними авангардистами-иконоборцами. Более того, Эрп стал одним из его первых издателей: он включил стихотворение «Шаги гоблинов» в «Антологию оксфордской поэзии» за 1915 год, которую сам редактировал. Когда книга вышла, Толкина уже не было в университете — он приступил к начальной военной подготовке.

Несмотря на то что «Шаги гоблинов» были откровенно слабы — Толкин впоследствии от них откажется, — ему удалось уловить дух времени и быстро приобрести поклонников. Сказочные стихи тогда вообще стали убежищем от войны. В мае 1916 года организация «Добрые феи для неудачливых бойцов», например, отправляла военнопленным продуктовые наборы. «Солдаты, сражавшиеся и пострадавшие за свою родину, — объясняли благотворители, — как дети, обращаются к нам за единственным маленьким утешением, которое им позволено. Под неромантичным шнурком и коричневой оберткой „Посылка для пленников“ лежит целый мир грез и воспоминаний».

В 1916 году, после введения обязательного призыва, было продано около четверти миллиона репродукций картины Эстеллы Канциани «Дудочник снов, или Там, где незримо живут лесные крошки». На ней, прислонившись к дереву, сидит похожий на Бомбадила человечек с дудочкой, а вокруг порхают феи.

Мода не прошла и после войны. Книгу Рут Файлмен «Феи и печные трубы» выпускали для школ ежегодно с 1920 по 1925 год, переиздавались сборники волшебных сказок Эндрю Лэнга, братьев Гримм и Ганса Христиана Андерсена. В 1923 году вышла первая книга Сесиль Мэри Баркер «Цветочные феи весны», в 1923 году — стихотворный сборник Энид Блайтон «Настоящие феи», в 1924 году — «Книга фей Энид Блайтон». Тем временем «Шаги гоблинов» в 1920 году были включены в «Книгу волшебной поэзии» издательства Longman — Толкин оказался там во

впечатляющем обществе Шекспира, Мильтона, Китса, Теннисона и Йейтса, а также в популярные «Пятьдесят новых стихотворений для детей», впервые опубликованные Бэзилем Блэкуэллом в 1922 году. Что касается Томаса Эрпа, Толкин позже говорил с некоторой ворчливой привязанностью, что поведение этого человека породило пренебрежительное слово *twerp*, «неприятный придурок». Современников, видимо, раздражало, что он почему-то оказался непригоден для военной службы.

Венцом последних месяцев студенческой жизни стали выпускные экзамены. Они окончились 15 июня, и Толкин сразу же занялся покупкой снаряжения. А 28 июня 1915 года он подал заявку в полк ланкаширских стрелков с намерением подписать контракт на период войны и служить вместе с товарищем по ЧКБО Джеффри Бейчем Смитом. Второго июля были оглашены результаты экзаменов: Толкин окончил Оксфорд с отличием первого класса. Он ненадолго вернулся к стихам и рисованию и уже в звании младшего лейтенанта начал базовую подготовку в Бедфорде. Его специализация связиста требовала множества знаний и умений, от управления сигнальными флажками и запуска ракет до владения азбукой Морзе и ухода за почтовыми голубями, но он не бросил поэзию и планировал выпустить том сказочных стихотворений.

Чтобы посещать Эдит в Уорикшире, он поселился в Личфилде — тоже в Стаффордшире — и приобрел вскладчину мотоцикл. В тот же период клуб ЧКБО встретился в последний раз, а 22 марта 1916 года, во время прохождения Толкином военной подготовки в Броктон-Кэмп близ Личфилда, состоялась поспешная свадьба. «Медовую неделю» пара провела в Сомерсете. Уорикшир и Оксфорд к тому времени вплелись в богатый, постоянно развивающийся го-белен творческих образов молодого писателя, а когда новобрачные посетили ущелье Чеддер, оно тоже пополнило его мысленную коллекцию чисто английских мест.

6 июня 1916 года Толкин отбыл во Францию. Он захватил с собой записные книжки, но для творчества не было ни времени, ни возможности. «Можно было нацарапать что-нибудь на обратной стороне конверта и сунуть его в задний карман, но на этом все, — рассказывал он потом. — Сложно писать, скрючившись среди блох и грязи». На самом деле для литературной работы все же находилось и время, и место: он сочинил несколько стихотворений и продолжил обдумывать свои легенды, поэтому, когда стал записывать, они успели приобрести мнемонические контуры неоднократно рассказанных историй.

Не прошло и месяца, а подразделение Толкина уже маршировало к линии фронта. Первого июля началась битва на Сомме — и в тот же день она унесла почти двадцать тысяч жизней только со стороны Антанты. Писатель попал в гущу наступления, жил в землянках и окопах. Там он получил весть о гибели Роберта Килтера Джилсона, члена ЧКБО.

Толкин тогда избежал ранения, но к 27 октября подхватил окопную лихорадку — тяжелую, переносимую вшами болезнь — и был отправлен в тыловой госпиталь Красного Креста, а потом обратно в Британию. В ноябре он поступил в импровизированное больничное отделение в Бирмингемском университете (номинально это место называлось Первым Южным общим госпиталем).

Вскоре от ран, полученных при взрыве снаряда, скончался Джеффри Бейч Смит. Из всего ЧКБО выжило двое: попавший на флот Кристофер Уайзмен и Толкин.

Выздоровление шло медленно. Вероятно, еще в бирмингемском госпитале Толкин начал работать над первым циклом легенд — «Книгой утраченных сказаний»¹⁹. Там же он переделал квенью,

¹⁹ Двухтомник «Книга утраченных сказаний» составляет два первых тома «Истории Средиземья». В него вошли самые ранние версии будущего «Сильмариллиона», написанные Толкином в период с 1916 по 1918 год.

«История Средиземья» — это двенадцатитомная серия книг, собранная и прокомментированная сыном Толкина Кристофером. Серия содержит неоконченные рукописи, отрывки и ранние черновики «Властелина колец» и его примечаний. Тома носят следующие названия:

выведа ее из другого языка собственного изобретения — «архаичного элдарина», который, в свою очередь, породил третий язык, голдогрин, позже переименованный в синдарин и отличавшийся сложной лексикой и грамматическим строем.

Толкин делал много заметок, чтобы добавить глубины воображаемым землям, истории и наследию, а Эдит по его наброскам «как следует» переписывала тексты. Он трудился все больше, легендарииум²⁰ совершенствовался и обрастал деталями.

Хотя Толкина часто переводили с места на место, молодые супруги регулярно виделись друг с другом. Однажды в июне 1917 года они прогуливались в лесу, и Эдит танцевала среди болиголов. Эта сцена оказала на Толкина неизгладимое впечатление: она появится в важнейшем и самом близком его сердцу «великом предании» о неземной любви Берена и Лутиэн. Далеко не все знают, что Эдит тогда была беременна первенцем и, наверное, это уже было заметно. Учитывая продолжающуюся войну и самочувствие писателя, сцена танца приобретает особую остроту и оттенок надежды.

-
1. The Book of Lost Tales, Part I («Книга утраченных сказаний. Часть I»).
 2. The Book of Lost Tales, Part II («Книга утраченных сказаний. Часть II»).
 3. The Lays of Beleriand («Песни Белерианда»).
 4. The Shaping of Middle-earth («Устроение Средиземья»).
 5. The Lost Road and Other Writings («Утраченный путь и другие произведения»).
 6. The Return of the Shadow («Возвращение тени»).
 7. The Treason of Isengard («Предательство Изенгарда»).
 8. The War of the Ring («Война Кольца»).
 9. Sauron Defeated («Поражение Саурона»).
 10. Morgoth's Ring («Кольцо Моргота»).
 11. The War of the Jewels («Война за самоцветы»).
 12. The Peoples of Middle-earth («Народы Средиземья»).

Прим. науч. ред.

²⁰ Слово «легендариум» было придумано самим Толкином примерно в 1951 году по модели теологического термина XIX века, обозначавшего канон житий святых. «Оксфордский словарь английского языка» вслед за Толкином определяет легендарииум как совокупность мифов, легенд, историй, связанных с определенным вымышленным миром, или произведение, в котором содержится такая совокупность.

В ноябре у пары родился сын Джон, а через неделю Толкина повысили до лейтенанта. Следующий год почти не отличался от предыдущего: несложные обязанности, частые командировки и рецидивы заболевания, иногда с резким ухудшением состояния (в августе 1918 года он похудел более чем на двенадцать килограммов).

Несмотря на трудности, Толкин продолжал сочинять и рисовать, написал введение к сборнику стихов Джеффри Бейча Смита, вышедшему в июне или июле 1918 года под заголовком «Весенний урожай», начал учить русский язык и практиковаться в итальянском и испанском. Если не считать пары месяцев, когда Толкина признали годным к строевой службе и направили в Хамберский гарнизон, до конца войны он жил в Британии, выздоравливал, занимался легкими делами и подготовкой. В конце концов его сочли пригодным исключительно к сидячей деятельности. Вместе с Эдит и Джоном он вернулся в Оксфорд и устроился работать над «Оксфордским словарем английского языка» в качестве лексикографа, а через несколько дней, 11 ноября 1918 года, окончилась война.

Работа Толкина над словарем продолжалась до мая 1920 года — он написал статьи, в том числе для слов *wake* и *walrus*. Важнее, однако, что возвращение в академическую филологию побудило его еще больше усовершенствовать квенью и продолжить работу над «Книгой утраченных сказаний». Эту первую последовательную попытку заняться легендарием он оставил всего через полгода. Может быть, дело отчасти было в знакомстве с пророческими книгами Уильяма Блейка: в их каллиграфии, иллюстрациях и масштабе мифического нарратива он наверняка увидел примечательное сходство с собственными амбициями, а еще — высоты, к которым он может и обязан стремиться.

Параллельно Толкин занялся репетиторством — ему, женатому мужчине с военной службой за плечами, доверяли заниматься со студентками. Это интересно, потому что еще в 1909 году на школьных дебатах он защищал движение воинствующих суфражисток.

Вплоть до демобилизации в июле 1919 года Толкин при всем своем вкусе к одежде и аксессуарам обычно ходил по городу

в офицерском мундире. Возможно, это был его ответ послевоенному щегольскому модернизму. Его акварели того периода имеют в себе что-то светящееся и абстрактное и напоминают работы Кандинского. Постепенно вернулись некоторые старые занятия, например участие в заседаниях Эссеистского клуба Эксетер-колледжа.

Перерыв в работе над «Книгой утраченных сказаний» мог быть связан и с тем, что в середине 1919 года Толкину доверили важную научную задачу: составить словарь среднеанглийского языка к антологии Кеннета Сайзема «Стихи и проза XIV века». Автор был одним из наставников Толкина в студенческие годы, поэтому речь шла не только о престиже, но и о явном приглашении строить университетскую карьеру. Впрочем, уже к концу года Толкина вновь потянуло к поэзии — и он вернулся к «Плаванию Эаренделя, Вечерней Звезды».

Переломный момент настал 10 марта 1920 года, когда он прочитал в Эссеистском клубе Эксетер-колледжа «Падение Гондолина» — рассказ об осаде эльфийского города, впервые намеченный в «Книге утраченных сказаний» и впоследствии постоянно дорабатываемый в разных версиях «Сильмариллиона».

В первых черновиках ощущается сильное влияние фронтовых впечатлений Толкина, а то, что он решился прочесть свои легенды публично, пусть и предварив выступление довольно продолжительными извинениями, свидетельствует об очевидном росте уверенности в себе. Толкина приняли тепло. Секретарь клуба отметил в записях, что «новый мифологический фон» очень поучителен, соответствует традициям Уильяма Морриса, Джорджа Макдональда и Фридриха де ла Мотта Фуке, а изложение «весьма образно, захватывающе и, в сочетании с большим вниманием к деталям, до крайности интересно». Такая реакция, видимо, воодушевила автора, и он взялся переписывать «Книгу утраченных сказаний», сделав героем англосаксонского мореплавателя Эльфвине из Англии²¹.

²¹ Брайан Бейте подробно описал соответствия между англосаксонской Англией и толкиновским Средиземьем. См.: Bates B. The Real Middle-Earth: Magic and Mystery in the Dark Ages.

Стремительный взлет академической карьеры Толкина начался после того, как в июле 1920 года его пригласили лектором английского языка в Лидский университет. Сам он переехал в Лидс, а Эдит, ожидавшая рождения второго сына, поначалу осталась в Оксфорде. Майкл родился 22 октября. Почти сразу Толкин подал заявки на должность заведующего кафедрой в Ливерпульском и Кейптаунском университетах — в последнем ему предложили возглавить кафедру De Beers, — но потом отказался от этой затеи.

Он приступил к работе с удивительным рвением, которое будет свойственно ему все последующие десятилетия, сочетая при этом преподавательские и административные обязанности с большими творческими амбициями. Он поучаствовал в разработке университетского курса английского языка, переписал значительную часть «Книги утраченных сказаний» и улучшил квенью, а когда в декабре вернулся в Оксфорд, сочинил для детей первое из «Писем Рождественского Деда» — с этого момента традиция станет ежегодной.

В апреле 1921 года вся семья переехала в Лидс — один из самых грязных промышленных городов Великобритании. Тонны сажи и дегтя в воздухе блокировали солнечный свет на семнадцать процентов и мешали расти деревьям. Кислотные дожди и частицы мышьяка отравляли траву и прочую флору. Возможно, это стало одной из причин тяжелой пневмонии, которую Толкин подхватил в 1921 году. Тем не менее четыре следующих года Рональд проработал в университете. Он взял в ассистенты докторанта Эрика Валентайна Гордона и тесно сотрудничал с ним вплоть до смерти Гордона в 1938 году.

Чтобы популяризировать курс древнеисландского, они вместе создали студенческий «Клуб викингов». Его участники на заседаниях пили пиво, читали отрывки из саг и распевали шуточные переводы популярных песен на древние северные языки. Толкин и Гордон сообща подготовили к печати рассчитанное на студентов издание «Сэра Гавейна и Зеленого рыцаря», вышедшее в «Оксфорд юниверсити

пресс». Параллельно писатель вернулся к работе над «Словарем среднеанглийского языка» и в начале 1922 года сдал его в печать: все сроки к тому времени истекли, но книга все-таки была издана в мае отдельным томом, а потом — в составе сборника «Стихи и проза XIV века». Еще Толкин продолжал разрабатывать легендарииум, писал серьезные и шуточные стихи для лидских журналов «Грифон» и «Микрокосм», факультетских и университетских антологий и томика местной серии «Йоркширская поэзия». Ради дополнительного заработка он начал проверять экзаменационные работы на школьный сертификат — свидетельство о неполном среднем образовании — и несколько лет подряд терпеливо участвовал в этом испытании.

К 1923 году Толкин согласился редактировать так называемого кларендонского Чосера — сборник поэзии и прозы издательства «Кларендон пресс», научного отделения «Оксфорд юниверсити пресс». Первые гранки для корректуры поступили в конце года и продолжали приходиться в следующем наряду с «Гавейном», которого тоже еще только предстояло завершить. Толкин работал над сборником Чосера весь 1924 год. В октябре его повысили: назначили на должность профессора английского языка в Лидском университете.

21 ноября у него родился третий сын, Кристофер, а в декабре он наконец завершил глоссарий к сборнику Чосера и сразу после этого написал пару писем Рождественского Деда. Теперь он обычно по вечерам уделял время сочинению невероятных историй для детей (к этому периоду относится «Оргог», см. ниже).

Он приступил к переводу «Беовульфа» на современный английский и к весне 1926 года закончил версию в прозе — перевод аллитерационным стихом так и останется незавершенным, а также стал внешним экзаменатором (специалистом, приглашенным из другого учреждения для надзора за соблюдением стандартов) на испытаниях на степень по английскому языку в Оксфорде. Наконец, он прилежно работал над легендарииумом и языками: теперь его сильнее всего занимал нолдорин.

К 1925 году плодовитость Толкина уже была привычной. Он усердно занимался разнообразными делами — от сочинения

детских сказок до высокоученого аннотирования древнеанглийских текстов и креативного мифотворчества. Он стал искушенным сочинителем аллитеративных стихов и переводил среднеанглийскую аллегорическую поэму «Жемчужина», которая входила в тот же манускрипт, что и «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь», и, предположительно, принадлежала тому же автору. Он также продолжал работу над «Гавейном» и «кларендонским Чосером», поучаствовал в присуждении стипендии «Работа года в английской филологии» и опубликовал небольшую научную статью о конях в колеснице дьявола.

«Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь» под редакцией Толкина и Гордона вышел в свет 23 апреля 1925 года, в День святого Георгия, а в середине года были наконец готовы гранки к сборнику Чосера. Одновременно Толкин старался получить освободившуюся должность профессора англосаксонского языка Ролинсона — Босворта, а также занимался версификацией преданий легендарииума. Положительный ответ из Оксфорда пришел в июле: Толкин с небольшим отрывом обошел Кеннета Сайзема, своего бывшего наставника, а теперь коллегу и консультирующего редактора в «Оксфорд юниверсити пресс».

Прежде чем приступить к новой работе, Толкин с семьей отдохнул в приморском городке Файли в Йоркшире. Пережитые там события — Толкины попали в сильную бурю, а сын Майкл потерял игрушечную собачку — побудили писателя сочинить сказку об игрушке. Сказка со временем превратилась в иллюстрированную детскую повесть «Роверандом».

Согласно условиям контрактов, осенью 1925 года Толкин должен был преподавать и в Оксфордском, и в Лидском университетах, и все равно находил время на аннотирование «кларендонского Чосера». Наконец, Эрик Гордон заменил Рональда на посту профессора английского языка в Лидсе, и в начале января 1926 года семья вернулась в Оксфорд. Если не считать периодических поездок в Лидс, где приходилось помогать вести лекции, Толкин зажил оседлой профессорской жизнью.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

